

В студенческие годы Сунь Хао всегда сидел на последней парте. Успеваемостью не блистал, развлекаться не умел: отличники его в свою компанию не звали, «хулиганы» — тоже. На уроках физкультуры, когда все играли в баскетбол, он ни разу не вышел на поле. В глазах окружающих его словно не существовало.

В нем не было ничего выдающегося, но он никак не мог свыкнуться с тем, что его игнорируют.

Он обожал романы, особенно те, где над главным героем-неудачником все издеваются, а потом он внезапно совершает прорыв и дает всем пощечину. Сунь Хао казалось, что этот герой — он сам. Он был уверен, что в нем дремлет талант, который еще не успели раскрыть, и мечтал лишь о том, чтобы кто-нибудь его задел — он тут же выкрикнул бы: «Не смейте презирать юнца за его бедность!»

Он постоянно копил в себе силы, чтобы однажды всех поразить. Поначалу, оказавшись здесь, он был парализован страхом, но стоило привыкнуть, как это желание вновь вспыхнуло с новой силой.

Равнодушие Сянь Чэньюэ, игнорирование со стороны Су Яня и полное отсутствие интереса в вопросах Линь Минь — все это было подобно ножам, вонзающимся прямо в сердце.

Он должен что-то сделать! Заставить всех смотреть на него с уважением! Заставить их пожалеть о своем отношении!

Но сейчас...

Ноги Сунь Хао дрожали, он даже не чувствовал запаха собственной мочи.

Селяне, которые только что без умолку болтали, уставились на него, не моргая. В их глазах погас свет, лица стремительно теряли краски, превращаясь из человеческих в призрачные.

— Что ты сказал?! — внезапно взревели они.

Сунь Хао смотрел на ближайшего к нему мужчину: лицо того налилось кровью, на лбу вздулись вены, а на тонких руках внезапно проступили странные, извивающиеся, словно дождевые черви, мышцы.

— Кто это спрятал кур?!

— Вы, городские, нас за людей не считаете, да?!

— Убить его!

— Убить его!

Ноги Сунь Хао словно приросли к земле. Он не мог пошевелиться, не то что бежать — даже сделать шаг было невозможно.

Мотыга в руках селянина поднялась высоко вверх. Несмотря на пасмурную погоду, лезвие холодно блеснуло.

Сунь Хао рухнул на землю, перевернулся и попытался отползти назад.

— Твоя мотыга слишком тупая! Голову не снес.

— Даже кость не перерубил, человек еще жив. Попробуй мою.

Сунь Хао был еще жив. Он вытаращил глаза, чувствуя тупую боль в шее — она была такой сильной, что казалось, будто голова отделилась от тела. Он не сводил взгляда с того направления, где остался двор.

Не надо было выходить... Он скоро перейдет на третий курс, у него еще вся жизнь впереди, он еще не успел всех удивить, он...

— Твоя лучше, кость перерубила.

— Только кожа осталась.

Селяне посмотрели на труп Сунь Хао, а затем, ухмыляясь, перешагнули через него. Голова, которая еще держалась на лоскуте кожи, после их шагов покатилась вперед.

До заката Сунь Хао так и не вернулся.

— Что-то случилось? — Линь Минь все время смотрела в сторону ворот, ожидая его появления.

Она крепко сжала руки, нервно вглядываясь в каждый силуэт за порогом. Ей не нравился Сунь Хао — у него был скверный характер, и даже в такой ситуации он продолжал капризничать. Но она не хотела, чтобы с ним что-то случилось: ведь они жили в одном доме, общались, да и все они оказались здесь неведь как.

Когда Лян Шу с остальными осторожно принесли тарелку с пирожными из маша, а последний луч света погас, Сунь Хао все еще не было.

Линь Минь забилась в угол и, всхлипывая, прикрыла рот рукой. Она устала плакать, но уснуть

не могла: лежала с открытыми глазами, пока слезы беззвучно впитывались в подушку.

Лишь когда Линь Минь наконец уснула, Сянь Чэньюэ вышел из дома. В этот раз Су Янь не стал красться следом, а открыто пошел за ним. Только покинув двор, он спросил:

— Сянь-гэ, как думаешь, Сунь Хао погиб?

Сянь Чэньюэ не замедлил шага и не обернулся. Его голос звучал ровно, без единой эмоции:

— Кто такой Сунь Хао?

Су Янь: «...»

Голос Су Яня слегка дрогнул, словно он хотел то ли рассмеяться, то ли заплакать, но сдержался:

— Парень, который жил с нами. Вчера он не пошел с нами.

Сянь Чэньюэ:

— Погиб.

Су Янь вздохнул и с сожалением произнес:

— Такой молодой, жалко.

Сянь Чэньюэ не желал слушать его разглагольствования — у Су Яня всегда находился повод для жалости к кому-нибудь. Сянь Чэньюэ слушал его весь день и искренне не понимал, как в мире может существовать настолько шумный человек. Однако он не перебивал.

Сянь Чэньюэ, мысленно отгородившись от болтовни спутника, принялся анализировать свои действия. Он размышлял об этом до самой середины горы, но так и не пришел к выводу. В конце концов, он решил, что Су Янь просто слишком жалкий, а у него самого слишком доброе сердце.

Подумав об этом, он едва заметно усмехнулся. Он считал себя хорошим человеком, просто доброта его была ограничена.

— Сянь-гэ? — Су Янь не заметил, что его вообще не слушали, ведь у Сянь Чэньюэ всегда было одно и то же выражение лица.

— М? — отозвался Сянь Чэньюэ.

Су Янь споткнулся о камень и чуть не упал. Выровнявшись, он обнаружил, что Сянь Чэньюэ ушел далеко вперед, и поспешил догнать его:

— Сянь-гэ, а жертвоприношение будет опасным? У меня такое чувство, что именно оно — самая большая проблема.

Луна светила тускло, и Су Яню приходилось внимательно смотреть под ноги. По бокам узкой тропинки, протоптанной людьми и зверями, не было ограждений. Поднявшись на склон, можно было легко сорваться в заросли — даже если не разбиться насмерть, сломать ногу было проще простого.

— Будет сложнее, чем ты думаешь, — холодно ответил Сянь Чэньюэ.

— Откуда ты знаешь? Чжао-гэ говорил, что уровни с большим количеством новичков обычно проще.

— Там, где я, легких уровней не бывает.

Су Янь замер:

— Сянь-гэ, не вини себя.

Сянь Чэньюэ нахмурился, не понимая, откуда у Су Яня такие странные мысли:

— Винить себя?

Су Янь изобразил крайнюю степень наивности. Все равно было темно, а рядом только Сянь Чэньюэ, так что стыдиться было нечего:

— Просто из-за твоего присутствия задание стало сложнее. Но у нас все равно не было выбора, да и у тебя тоже.

Он был невероятно понимающим. Настолько, насколько не был никогда в жизни.

— Хм, ты прав, — согласился Сянь Чэньюэ.

Оказавшись здесь, он отбросил всякое сочувствие и чувство вины. У него была лишь одна цель — выжить и выбраться. Он не вредил другим, но и помогать не собирался. Что будет с остальными, смогут ли они спастись — его не волновало.

— Кур действительно спрятали, — внезапно сказал Сянь Чэньюэ, глядя на вершину горы. Отсюда уже смутно виднелась глиняная лачуга, но деревья и тусклый лунный свет мешали разглядеть ее получше.

— НПС могут так мешать выполнению задания? — удивился Су Янь.

— Они тоже люди. Просто у них другое задание.

Сянь Чэньюэ замолчал, а Су Яня прошиб холодный пот. Те селяне и староста — они люди? Живые или те, кто здесь погиб?

Когда они добрались до вершины, лачуга предстала во всей красе: она выглядела еще хуже, чем дома в деревне. В деревне Бай, кроме дома старосты из кирпича и черепицы, все постройки были древними мазанками с прохудившимися крышами. А у этой лачуги на крыше не было даже гнилой черепицы — лишь обычная солома. Бедность этого места поразила Су Яня.

Сянь Чэньюэ подошел к двери и слегка приоткрыл ее. Затем он отступил в сторону, жестом предлагая Су Яню заглянуть внутрь.

Су Янь прильнул к щели и увидел внутри десятка полтора деревянных клеток. В них сидели куры.

— Сянь-гэ... — Су Янь невольно понизил голос.

— Раз узнали, пошли, — сказал Сянь Чэньюэ.

— Не заберем одну? — шепотом спросил Су Янь.

Сянь Чэньюэ покачал головой:

— Нет нужды. Придем за день до жертвоприношения.

Су Янь не знал, что задумал Сянь Чэньюэ, и догадаться не мог, но решил просто следовать его словам — со временем все прояснится. Он улыбнулся, но в темноте ночи идущий впереди Сянь Чэньюэ этого не увидел.

Вернувшись во двор, Сянь Чэньюэ, как обычно, повесил рубашку сушиться. Су Янь ворочался с боку на бок — в голове крутилась мысль, что Сянь Чэньюэ уже несколько дней не менял нижнее белье. Наверное, такому чистоплотному человеку сейчас ужасно неприятно?

От этой мысли Су Яню стало смешно, и он совершенно забыл, что сам не менял белье уже несколько дней.

Утро началось с крика. Едва услышав его, Су Янь открыл глаза и увидел, что Сянь Чэньюэ уже покинул комнату.

Дневной свет был холодным, в горах стелился тонкий туман.

Лян Шу с растрепанными волосами выбежала из дома, ее лицо исказилось от гнева и ужаса. Она даже не посмотрела на Сянь Чэньюэ и закричала на весь двор, срываясь на плач:

— Кто! Кто забрал пирожные из маша?! Совести совсем нет?!

— Бессовестные! Мы их три дня мололи! Три дня! У меня руки в кровь стерты!

Остальные из ее группы тоже выбежали наружу и принялись ругаться вместе с ней. Но вскоре их крики стихли, сменившись рыданиями.

— Умоляю! Это задание нашей группы, тебе-то они не нужны!

— Верни нам их, мы найдем для тебя что угодно!

Даже двое парней из их группы плакали и умоляли.

Сянь Чэньюэ стоял у двери, наблюдая за тем, как выходят люди из других комнат. Проснувшийся Чэнь Вэй, еще не успев застегнуть рубашку, подошел к нему:

— Сянь-гэ, что здесь происходит?

— Кто-то потерял терпение, — ответил Сянь Чэньюэ.

Чэнь Вэй посерьезнел:

— Подлый способ.

Использовать чужие цели для сдачи задания — не невозможно, если повезет, можно пройти, а если нет — наказания не будет. Мало кто так поступает. Даже в Ином мире человечность не исчезает в одночасье, и большинство не опускается до таких низостей. Но если кто-то один в копии открыл этот путь, остальные могут последовать примеру, и тогда никто не будет застрахован от беды.

На такое способен только опытный игрок. Прошедший немало уровней. Даже Чэнь Вэй слышал об этом только от брата, сам никогда не видел.

— Ночью можно выходить, — сказал Сянь Чэньюэ Чэнь Вэю. — Вода — это и средство, и условие.

Чэнь Вэй расширил глаза и часто закивал:

— Я запомнил, спасибо, Сянь-гэ.

— У старосты есть вино, — вполголоса добавил Чэнь Вэй. — Мы несколько раз ходили по деревне во время обеда и убедились, что у него есть рисовое вино. Оно тоже считается.

Сянь Чэньюэ на этот раз посмотрел на него с чуть большим интересом. Чэнь Вэй смутился, улыбнулся и опустил голову:

— Сянь-гэ, я понимаю, что должен думать своей головой, нельзя вечно полагаться только на тебя.

— Хорошо, что понимаешь.

Су Янь, стоявший в стороне, скрестил руки на груди и скрипнул зубами.

Притворяется самостоятельным, хитрец? Получил самую важную информацию от Сянь Чэньюэ, а теперь строит из себя героя?

Среди плача Лян Шу и остальных Су Янь видел только Сянь Чэньюэ и Чэнь Вэя рядом с ним.

<http://bllate.org/book/18701/1807455>